

Старченко Виктория Викторовнастарший преподаватель кафедры психологии
Северо-Осетинского государственного
педагогического института**Starchenko Viktoriya Viktorovna**Senior Lecturer,
Psychology Department,
North Ossetian State Pedagogical Institute**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ЗАЩИТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ОСЕТИНСКОЙ, РУССКОЙ
И ИНГУШСКОЙ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
В УСЛОВИЯХ ПОСТКОНФЛИКТНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ****PSYCHOLOGICAL PROTECTION
FEATURES OF REPRESENTATIVES
OF OSSETIAN, RUSSIAN
AND INGUSH ETHNIC GROUPS
IN THE CONTEXT OF
POST-CONFLICT INTERACTION****Аннотация:**

В статье рассматриваются вопросы этноспецифики психологических защит этнических групп, проживающих в Республике Северная Осетия – Алания, в условиях постконфликтного межэтнического взаимодействия. Анализируются возможные пути конфликтологического мониторинга, направления психокоррекционной работы в свете прогнозирования, предупреждения и урегулирования межэтнических конфликтов.

Ключевые слова:

межэтническое взаимодействие, этнический конфликт, межэтническая напряженность, психологическая защита, этническая группа, осетины, русские, ингуши, поликультурность, Республика Северная Осетия – Алания.

Summary:

The article deals with the issues on ethnospecific psychological protection of ethnic groups living in the Republic of North Ossetia-Alania in the context of post-conflict interethnic cooperation. The author examines the possible ways of conflict monitoring, the directions of psychocorrectional work in the terms of prediction, prevention and settlement of interethnic conflicts.

Keywords:

interethnic cooperation, ethnic conflict, interethnic tension, psychological protection, ethnic group, Ossetians, Russians, Ingush, multiculturalism, the Republic of North Ossetia-Alania.

Россия относится к числу интенсивно развивающихся поликультурных стран. На территории государства находится много исторически сложных регионов, где веками жили представители разных этнических и культурных групп. К числу таких регионов относится и Северный Кавказ, этническая, культурная и конфессиональная мозаичность которого не только придает ему особое своеобразие, но и создает предпосылки для нарастания межэтнической напряженности, которая в условиях социальной нестабильности иногда перерастает в открытые столкновения.

Республика Северная Осетия – Алания является одним из самых многонациональных субъектов. На территории республики совместно проживают более 90 представителей различных этнических групп. К сожалению, изучаемый регион имеет неутешительный опыт межэтнических конфликтов, последствия которых накладывают свой отпечаток и на современный характер межэтнических отношений.

В социально-психологической литературе этнические конфликты, наряду с политическими, социально-экономическими и конфессиональными, рассматриваются в рамках общего понимания социального конфликта, под которым подразумевается все многообразие конфликтов и противоречий, имеющих место в человеческом сообществе.

Несмотря на большие расхождения в определениях и классификациях социальных конфликтов, предлагаемых разными исследователями, можно выделить три основных составляющих этого понятия: наличие противоречия, значимость затрагиваемых в конфликте интересов, действия участников конфликта по разрешению возникшей ситуации. При этом социальный конфликт приобретает свойства этнического, когда его субъектами становятся группы людей, отождествляющие себя с этнической общностью.

Исследователи по-разному понимают природу этнического конфликта. Так, известный специалист в области этнической психологии О.И. Дреев рассматривает этнические конфликты как отдельную от психологии социального конфликта область научного познания, учитывающую специфику этноса как особой социальной группы, психологические механизмы этногенеза, законы развития межэтнических отношений [1]. Таким образом, этнический конфликт рассматривается как проявления сложных глубинных процессов в отношениях между отдельными этническими общностями.

С.Д. Гуриева определяет этнический конфликт как столкновение несовместимых интересов между этническими группами (разногласия, споры, боевые действия) с позиционированием

различий по этническому признаку [2, с. 279]. При этом уровень и глубина несовместимости является важной переменной, воздействующей на интенсивность, продолжительность и последствия этнического конфликта.

Г.У. Солдатов рассматривает этнический конфликт как одну из стадий межэтнической напряженности, которая охватывает все этапы развития противоречий между этническими группами. Она может возникнуть задолго до конфликта и влиять на межэтнические отношения еще длительное время после его разрешения [3].

Исследователь выделяет четыре фазы межэтнической напряженности: 1) латентную, 2) фрустрационную, 3) конфликтную фазы напряженности и 4) кризисную напряженности.

В.П. Ратников выделяет следующие основные черты межэтнических конфликтов: 1) носят комплексный, сложносоставной характер, 2) отличаются высоким накалом эмоций, 3) имеют глубокие исторические корни, 4) характеризуются высокой мобилизацией, 5) носят хронический характер [4, с. 122].

В зарубежных исследованиях тема этнических конфликтов также находит широкий отклик среди исследователей. Так, Д. Сэндоул под этническим конфликтом понимает динамический феномен, характеризующийся последовательно чередующимися фазами: иницирование, подъем, управляемое обслуживание, непосредственное управление и завершение в виде рефлексивного урегулирования, решения или преобразования [5, р. 6].

Таким образом, наличие в прошлом этнических конфликтов повышает риск возникновения подобных ситуаций в будущем, что обуславливает необходимость конфликтологического мониторинга в свете прогнозирования, предупреждения и урегулирования межэтнических конфликтов.

Показателем нарастания негативных тенденций в межэтническом взаимодействии среди прочих являются механизмы психологической защиты. Психологические защиты могут быть рассмотрены на нескольких уровнях анализа, одним из которых является межэтнический, где в качестве коллективных субъектов выступают этнические группы или народы. Эти механизмы начинают «работать» в условиях роста межэтнической напряженности. Они искажают объективную реальность, что на уровне межэтнического восприятия является в большой степени результатом действия специфических социально-перцептивных механизмов, формирующих образы «своих» и «чужих». По мере роста межэтнической напряженности социально-перцептивные механизмы начинают приобретать все более отчетливые формы. По мнению Г.У. Солдатовой, они имеют выраженный компенсаторный характер, так как направлены на повышение личностной самооценки с целью самозащиты и поднятия престижности собственной этнической группы [6].

В нашем исследовании в качестве форм психологической защиты этнической группы в условиях постконфликтного взаимодействия рассматриваются: типы этнической идентичности, уровень и виды агрессивности, этнические представления взаимодействующих этносов, отраженные в авто- и гетеростереотипах, этноцентризм, степень психологической близости/дистанции с этноконтактными группами. При этом защитные механизмы этнической группы в ситуациях повседневного межкультурного общения выражаются в стратегиях межэтнического взаимодействия.

Таким образом, на основе выделенных показателей могут быть раскрыты особенности механизмов психологической защиты этнической группы в условиях роста напряженности между народами. Это поможет понять глубинные истоки и механизмы этнических конфликтов, определить способы их раннего предупреждения и критические точки роста напряженности.

Целью исследования является изучение особенностей психологических защит представителей осетинской, русской и ингушской этнических групп в условиях постконфликтного взаимодействия.

Предмет исследования – особенности психологических защитных механизмов: видов агрессии, проявлений этноцентризма, уровня социальной дистанции, направленности этнических авто- и гетеростереотипов, типов этнической идентичности в условиях постконфликтного взаимодействия.

Объект исследования – представители трех этнических групп: осетины, русские и ингуши, проживающие на территории Республики Северная Осетия – Алания. Общий объем выборки – 352 человека.

Для достижения поставленной цели в работе использовались следующие методики:

- 1) авторская анкета, выявляющая представления респондентов о характере межэтнических отношений в Республике Северная Осетия – Алания;
- 2) методика «Индекс жизненного стиля» Г. Келлермана, Р. Плутчика;
- 3) методика «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой;
- 4) методика «Виды агрессивности» Л.Г. Почебут;
- 5) методика «Этнические авто- и гетеростереотипы» Д. Катца, К. Брейли;
- 6) методика измерения этноцентризма М.Г. Стадникова;
- 7) шкала социальной дистанции Э. Богардуса;
- 8) методика «Стратегии межэтнического взаимодействия» С.В. Гуцунаевой.

Несмотря на то что с момента перехода межэтнической напряженности в стадию открытого конфликта прошло достаточно большое количество времени, по данным исследования Е.И. Кобахидзе и Г.Г. Павловец, 45,6 % населения Республики Северная Осетия – Алания считают, что межнациональные отношения в республике остаются напряженными [7]. Этот факт подтверждают и данные проведенного нами исследования. Так, для оценки характера межэтнических отношений в Республике Северная Осетия – Алания была составлена авторская анкета. Результаты анкетирования занесены в таблицу 1.

Таблица 1 – Данные опроса респондентов осетинской, русской и ингушской этнических групп, проживающих в Республике Северная Осетия – Алания, %

	Этнические группы		
	осетины	русские	ингуши
<i>Вопрос 1. Существует ли, на Ваш взгляд, проблема межнациональных отношений в Республике Северная Осетия – Алания?</i>			
да	58,3	60,5	63,2
нет	22	31,6	23,6
затрудняюсь ответить	19,7	7,9	13,2
<i>Вопрос 2. Как Вы оцениваете характер межнациональных отношений в Республике Северная Осетия – Алания в настоящее время?</i>			
очень хорошие	7,5	6,1	3,8
теплые, дружественные	6,1	1,8	0
стабильные, ровные	53	61,4	7,6
безразличные, нейтральные	11,4	14,9	22,6
напряженные	12,9	12,3	34,9
очень напряженные	9,1	3,5	26,4
затрудняюсь ответить	0	0	4,7
<i>Вопрос 3. Как Вы полагаете, возможно ли в настоящее время повторение межэтнических конфликтов в Республике Северная Осетия – Алания?</i>			
да	25	36,8	28,3
нет	30,3	37,7	52,8
затрудняюсь ответить	44,7	25,5	18,9

Таким образом, по результатам анкеты можно сделать вывод о том, что в Республике Северная Осетия – Алания все еще сохраняется некоторый уровень межэтнической напряженности, что накладывает отпечаток как на внутриэтнические особенности, так и на межэтнические отношения в целом. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что каждый третий респондент из числа опрошенных допускает возможность повторения межэтнического конфликта в исследуемом регионе.

На основе результатов эмпирического исследования проведен факторный анализ по методу главных компонент показателей, который дал возможность получить специфический набор психологических защит в каждой из изучаемых этнических групп.

Так, в осетинской этнической группе были выделены пять значимых факторов.

I фактор (доля объяснимой дисперсии – 27,1 %) включил в себя следующие показатели с наибольшими весами: низкий показатель нормальной этнической идентичности, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, низкая стратегия равностатусного взаимодействия, низкая адаптация, стратегия изоляции, стратегия дискриминации, маленькая социальная дистанция со своей этнической группой, этноцентризм, отрицательный гетеростереотип ингушей. Исходя из этих показателей, данный фактор обозначен нами как «Этнический нарциссизм», предполагающий высокую степень принятия представителей своей этнической группы и обособление от других этнических групп в поликультурном регионе.

II фактор (22,5 %) представлен такими компонентами, как регрессия, проекция, замещение, вербальная, физическая, предметная, эмоциональная агрессия. Выявленный фактор обозначен как «Этнические агрессоры», когда этническая группа придерживается регрессивных паттернов поведения в межэтнических отношениях и переносит их на другой, более доступный для их выражения объект.

III фактор (17,6 %) представлен отрицанием, компенсацией, интеллектуализацией, реактивным образованием, положительным автостереотипом и положительным гетеростереотипом русских. Данный фактор обозначен как «Интеллектуальные интеграторы», выражается в стремлении избежать информации, несовместимой со сложившимися представлениями о своей этнической группе, игнорировании потенциально тревожной информации.

IV фактор (13,3 %) включил в себя показатель маленькой социальной дистанции с такими этническими группами, как армяне, грузины, дагестанцы, ингуши, кабардинцы, чеченцы. Данный фактор определен как «Этническая комплиментарность с соседними народами», связанная с толерантными взаимоотношениями с другими этническими группами.

V фактор (11,8 %) представлен следующими показателями: подавление, этнонигилизм, этноиндифферентность, стратегия маргинализации, стратегия переориентации, маленькая дистанция с русскими. Исходя из этих показателей, данный фактор обозначен как «Вытесненная собственная идентичность», предполагающая незначимость своей этнической идентичности и преобладание гражданской идентичности.

У респондентов русской этнической группы были выделены следующие пять значимых факторов.

I фактор (доля объяснимой дисперсии – 28,6 %) включил в себя такие показатели, как реактивное образование, эмоциональная агрессия, этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, низкая стратегия равностатусного взаимодействия, стратегия переориентации, стратегия изоляции, стратегия дискриминации, этноцентризм. Данный фактор обозначен как «Амбивалентная идентичность», которая заключается в одновременном преобладании, с одной стороны, этнонигилизма и переориентации, а с другой – этноцентризма и изоляции. Возможно, данные тенденции обусловлены особенностями изучаемого поликультурного региона, а также тем, что русские, являясь суперэтносом, в изучаемом регионе составляют этническое меньшинство.

II фактор (23,8 %) объединил в себе низкую самоагрессию, маленькую социальную дистанцию с армянами, грузинами, дагестанцами, ингушами, кабардинцами, чеченцами, положительный гетеростереотип ингушей. Данный фактор – «Этническая комплиментарность с соседними народами» – связан с толерантными взаимоотношениями с другими этническими группами.

III фактор (18,1 %) представлен такими компонентами, как отрицание, компенсация, интеллектуализация, нормальная этническая идентичность, стратегия адаптации, маленькая социальная дистанция с осетинами, положительный гетеростереотип осетин. Этот фактор обозначен как «Адаптация к этническому большинству», которым в Республике Северная Осетия – Алания являются осетины.

IV фактор (14,3 %) объединил такие показатели, как низкое подавление, проекция, замещение, вербальная, физическая, предметная агрессия. Выявленный фактор обозначен как «Этнические агрессоры».

V фактор (10,5 %) выражен регрессией, низкой этноиндифферентностью, низкой стратегией маргинализации, маленькой социальной дистанцией со своей этнической группой, положительным автостереотипом. Данный фактор обозначен как «Возврат в прошлое», т. е. бессознательный возврат к более раннему периоду, когда русские занимали в регионе доминирующее положение.

У ингушей выделены четыре значимых фактора.

I фактор (доля объяснимой дисперсии – 30,5 %) объединил в себе следующие показатели: замещение, низкое реактивное образование, физическую, предметную агрессию, низкий показатель нормальной этнической идентичности, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, маленькую социальную дистанцию с кабардинцами, положительный автостереотип и отрицательный гетеростереотип осетин. Выявленный фактор получил название «Этнический фанатизм».

II фактор (24,2 %) представлен такими показателями, как компенсация, проекция, низкие стратегии равностатусного взаимодействия и адаптации, стратегия изоляции, стратегия дискриминации. Этот фактор получил название «Эффект этнического капсулирования» [8], т. е. стремление к раздельному существованию с другими этническими группами, при котором представители ингушей переносят отрицательные качества на другие этнические группы, за счет чего возникает свой положительный образ.

III фактор (17,4 %) включил в себя следующие показатели: отрицание, подавление, интеллектуализация, этнонигилизм, этноиндифферентность, маленькая социальная дистанция с армянами, грузинами, дагестанцами, осетинами и русскими. Данный фактор получил название «Этническая комплиментарность с соседними народами».

IV фактор (13,7 %) объединил следующие показатели с наибольшими весами: регрессия, вербальная агрессия, агрессия, низкие стратегии маргинализации и переориентации, маленькая социальная дистанция со своей этнической группой, этноцентризм. Данный фактор обозначен как «Этнические провокаторы», характеризуется чрезмерным стремлением к консолидации только со своей этнической группой, неудовлетворенностью своим настоящим положением.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены комплексные психологические защиты, состоящие из таких показателей, как тип этнической идентичности, уровень и виды агрессивности личности, этнические представления взаимодействующих этносов, отраженные в авто- и гетеростереотипах, этноцентризм, степень психологической близости/дистанции с этноконттактными группами, проявляющаяся в толерантности/интолерантности каждой из рассматриваемых этнических групп. Выделенные психологические защиты детерминируют характер и стратегии межэтнического взаимодействия в Республике Северная Осетия – Алания в условиях постконфликтного взаимодействия. Следует подчеркнуть, что один фактор выявлен у

представителей всех этнических групп, принимавших участие в исследовании, – это «Этническая комплиментарность с соседними народами», направленная на толерантное, паритетное взаимодействие с другими этническими группами, проживающими в исследуемом регионе, что открывает широкие перспективы для улучшения межэтнических отношений в регионе.

Подобные исследования в области межэтнических отношений могут быть использованы при диагностике особенностей проявления психологических защит у представителей различных этнических групп с целью последующего прогнозирования характера и динамики межэтнических отношений в полиэтничном регионе, а также при определении направлений психокоррекционной работы с психологическими защитами, направленной на снижение межэтнической напряженности.

Ссылки:

1. Дреев О.И. Архетипы коллективного бессознательного и этнические конфликты : монография. Владикавказ, 2010. 135 с.
2. Гуриева С.Д. Межэтнические отношения и конфликт. СПб., 2009. 366 с.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.
4. Конфликтология. Вопросы – ответы : учеб. пособие для вузов / под ред. проф. В.П. Ратникова. М., 2004. 240 с.
5. Sandole D.J.D. Paradigms, theories, and metaphors in conflict and conflict resolution: coherence or confusion? // *Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application* / eds. D.J.D. Sandole, H. van der Merwe. Manchester ; N. Y., 1993.
6. Солдатова Г.У. Указ. соч.
7. Кобахидзе Е.И., Павловец Г.Г. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии народов Северного Кавказа : монография. Владикавказ, 2007. 150 с.
8. Гуриева С.Д. Указ. соч.

References:

- Dreev, OI 2010, *Archetypes of the collective unconscious and ethnic conflicts*, monograph, Vladikavkaz, 135 p., (in Russian).
Gurieva, SD 2009, *Interethnic relations and conflict*, St.-Petersburg, 366 p., (in Russian).
Kobakhidze, EI & Pavlovets, GG 2007, *Behavioral strategies in the interethnic interaction of the peoples of North Caucasus*, monograph, Vladikavkaz, 150 p., (in Russian).
Ratnikov, VP (ed.) 2004, *Conflictology. Questions and answers*, manual, Moscow, 240 p., (in Russian).
Sandole, DJD & Merwe, H van der (eds.) 1993, 'Paradigms, theories, and metaphors in conflict and conflict resolution: coherence or confusion?', *Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application*, Manchester, New York.
Soldatova, GU 1998, *Psychology of interethnic tension*, Moscow, 389 p., (in Russian).